

НАУЧНЫЙ ПЕРЕВОД — ЭТО НЕ МУЗЕЙНАЯ РАБОТА, А ЖИВОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ НАУЧНОГО ПОИСКА

Дмитрий Юрьевич Куракин

Зачем нужно переводить классические тексты, тем более такие профессиональные? Не проще ли учить иностранные языки и читать в оригинале? Зачем переводить текст, которому больше 100 лет?

Здесь есть сразу несколько важных тем. Прежде всего, переводы такого рода текстов — это всегда продолжение текущей исследовательской работы. Перевод — это не просто трансляция некоторого набора утверждений, производимая на другом языке, это часть активного, разворачивающегося во времени процесса освоения и интерпретации классики в качестве ресурса для современных исследований. Такое понимание перевода связано с особой ролью классики в таких принципиально историчных науках как социология, которые конституируются не объектом, а историей постановок вопроса, в которых сам этот объект определяется и переопределяется. Поэтому хороший перевод классики с необходимостью должен быть «современен», то есть лежать в русле ведущихся исследований и дискуссий. По этой же причине не может быть перевода на все времена: хороший перевод всегда является частью текущего научного поиска. Для «Элементарных форм»¹, с их зигзагами рецепции, это особенно актуально. Сегодня Дюркгейма читают не столько для того, чтобы писать историко-социологические работы, сколько чтобы развивать социологическую теорию и в конечном счёте изучать социальную жизнь. Поэтому такие книги как «Элементарные формы» просто невозможно переводить «музейным» образом: хороший перевод связан с целым корпусом реальных исследований и подходов, потому что эта живая часть научной жизни, которая разворачивается прямо сейчас — то есть примерно во время жизни пары поколений учёных.

¹ Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Пер. с фр.; науч. ред.: Д. Ю. Куракин. Элементарные формы, 2018.

Итак, перевод — это часть исследовательской работы. Но исследовательская работа — это коллективный проект. Конечно, в наше время исследовательские коллективы и коллективности обычно имеют международный характер: сейчас почти у каждого активного исследователя среди наиболее близких коллег и партнёров по дискуссиям соотечественников не большинство. Я недавно подробно останавливался на этом в своей дискуссии с Л. Г. Иониным, опубликованной в «Социологическом журнале». Казалось бы, почему бы всем не читать, скажем, английский перевод, тем более, что доступен прекрасный перевод Карен Филдз? Все дело в том, что сказанное выше касается лишь переднего края науки, а в научном предприятии есть и другие не менее важные эшелоны. В конце концов, для тех из нас, кто учился или учится на русском, базовая академическая социализация связана именно с русской языковой средой: наши учителя говорят, а часто и пишут в основном по-русски и даже если мы сегодня публикуемся по-английски, то именно так складывается наш академический «генетический код». Если продолжить эту метафору, получится, что русские переводы классических работ — это вклад в развитие академического «генофонда» нашего языкового пространства.

С этим связан и более прагматический мотив: если для многих исследователей работа с литературой на иностранных языках — привычная рутина, то студенты все же чаще читают по-русски. А социологическая теория, как ни странно, в большей степени чем другие части дисциплины связана со студенческой аудиторией. Ведь только единицы станут узкими теоретиками, а большинство из тех, кто после окончания университета продолжит научную карьеру, профессионализируется в конкретных сферах исследований, скажем, социологии образования, экономической социологии или, например, социологии религии. Но во время учёбы теория — это главный источник научного и интеллектуального развития и становления: зачитываясь Марксом, Вебером и Зиммелем мы формируемся как учёные и как мыслители, даже если мы потом будем заниматься

маркетинговыми исследованиями. Поэтому важно, чтобы такой фундаментальный текст как «Элементарные формы» был как можно более доступен для и для тех, кто учится, и для тех, кто учит.

Как получилось, что «Элементарные формы» стали одним из ключевых социологических текстов в социологии религии, несмотря на фактические ошибки, на которые указывали первые критики-антропологи, и несмотря на обычную тенденциозность в подборе этнографических свидетельств?

Дюркгейм всю жизнь выстраивал свой большой социологический проект, и «Элементарные формы» — ключевое звено этого проекта. Изучение религиозных верований и ритуалов — это только тактическое средство, выбранное им для достижения стратегической цели. Это не значит, что религия для него не важна. Это значит, что изучение религии является средством, а не целью исследования, а цель — объяснить социальную природу человека и мышления. Поэтому фактические ошибки, связанные с выбранным им эмпирическим материалом, конечно, снижают ценность этой работы в качестве источника знаний об австралийских религиозных верованиях и практиках, но кому сегодня могло бы прийти в голову рассматривать «Элементарные формы» в таком качестве? В части эмпирического знания об австралийских культах «Элементарные формы» — никакая не классика и никогда ею не были. Подчеркну: эти ошибки не снижают ценность теоретических схем, которые являются подлинным предметом этой книги. И именно в таком виде — как исследование в области социологической теории — книга вошла в историю дисциплины и продолжает оказывать на неё существенное влияние.

Именно поэтому и в социологии религии, и в религиоведении «Элементарные формы» стоит читать как раз через призму социологической теории. Ведь Дюркгейм предлагает особый взгляд в том числе на религию: по сути, он переопределяет объект религиоведения. Вместо того, чтобы рассматриваться как один из анклавов человеческой деятельности, отграниченный

от остальных сфер и, так сказать, необязательный к посещению, религия становится неким пронизывающим все сферы жизни принципом. Не случайно рост влияния Дюркгейма в антропологии и социологии во второй половине двадцатого века приводит к тому, что словарь исследования культуры становится по преимуществу «религиозным», то есть именно религия становится базовой моделью для культуры. Сегодня стало уже привычным и в академических, и в популярных дискуссиях, что мы объясняем и описываем культуру в терминах мифов, символов, культов и ритуалов.

В XX веке существовало достаточно большое число социологических проектов, основатели которых называли Э. Дюркгейма своим учителем. На какой из этих проектов оказали влияние «Элементарные формы»?

Это долгая и сложная история, а краткую версию её наиболее важной, с моей точки зрения, части я привёл в одном из разделов своего предисловия к русскому переводу «Элементарных форм». Несколько более подробно я описал её в своей статье в сборнике «Oxford Handbook of Cognitive Sociology», который выйдет в середине 2019 года. Если говорить совсем коротко, Толкотт Парсонс был тем, кто систематическим образом канонизировал в американской и международной социологии Дюркгейма и очень внимательно при этом отнёсся к «Элементарным формам». Потом были его последователи в социологии и прорывные работы культурных антропологов 1960-х и 1970-х гг., и, конечно, «культурный поворот». В результате этого в 1980-х и 1990-х гг. оказалось, что «Элементарные формы» стали фактически главной социологической работой для сразу нескольких влиятельных исследовательских программ, среди которых я особенно выделяю культурсоциологию, в первую очередь (но не исключительно) в лице «сильной программы» Джеффри Александера и его коллег, этнометодологию и работы Рэндалла Коллинза. Но это, конечно, далеко не исчерпывающий список, а самое главное, что эта история продолжается и «Элементарные формы» обещают сохранить свою

значимость для социологии завтрашнего дня. В предисловии к переводу я привёл один из сценариев возможного развития событий, связанный с этой книгой.

Если говорить о судьбе «Элементарных форм» в СССР и затем в России, то насколько эта работа повлияла на советскую/российскую социологию? Существуют ли исследовательские проекты, школы, которые сформировались в унисон/в опровержение основных идей «Элементарных форм»?

Я думаю, это весьма показательно, что за сто лет «Элементарные формы» на русский так и не были переведены. Заметим, что русские переводы всех остальных больших работ Дюркгейма были изданы почти сразу после их появления на свет, и, более того, стали их первыми полными иностранными переводами! А. Б. Гофман пишет об этом в своей замечательной книге о российской рецепции Дюркгейма. Он показывает, что столь пристальное внимание к Дюркгейму в России было обусловлено интересом к социологии в целом, тогда как сам Дюркгейм оставался умеренно популярным среди русских социологов дореволюционного периода — по причине его академизма, сравнительно низкой политической ангажированности и отсутствию идей радикального социального переустройства. В этой связи на ум приходит тезис Г. С. Батыгина, что русская революция была подготовлена десятилетиями увлечения русских интеллектуалов нигилизмом и их растущей верой в возможности радикального общественного переустройства на базе рационального научного знания. Из этого ясно, почему Дюркгейм не стал у нас властителем умов. И, если так, логично, что «Элементарные формы», с их обращением к сакральному и религии как к базовому социальному институту и колыбели мышления, не воодушевили большинство русских обществоведов, которые ждали от западной социологии совсем другого.

В советское время интерес к Дюркгейму был в целом довольно низким, а к «Элементарным формам» — в особенности. Однако в 1960-е и 1970-е гг., на фоне энтузиазма по отношению

к возрождающейся в СССР социологии и растущего интереса к исследованиям культуры, отдельные исследователи обратили взоры и на «Элементарные формы». Возможно, наиболее интересный пример — это круг исследователей и энтузиастов, сформировавшийся вокруг Ю. А. Левады. Сегодня они известны благодаря опросам общественного мнения, а в то время активно занимались именно теорией культуры. Сам Левада, судя по всему, хорошо знал «Элементарные формы» и выстраивал весьма амбициозный исследовательский проект во многом с опорой именно на эту книгу. Я немного писал об этом в своей недавней статье про социологию культуры в Советском Союзе и России, опубликованной в журнале «Cultural Sociology». К сожалению, в силу обстоятельств, эти крайне интересные инициативы не вылились в историю с продолжением, они зачихли и сегодня о них помнят немногие.

После перестройки социология оказалась «в тренде», и одним из драйверов роста внимания к ней стало её активное превращение в университетскую дисциплину. На этом фоне вырос спрос на социологическую классику, потому что просто в силу существующей у нас традиции формирования учебных программ нужно было массово преподавать такие, например, дисциплины как «история социологии». Как это отражается на переводах? Активно переиздаются старые и выходят новые переводы Дюркгейма. Но «Элементарные формы» снова в тени! Почему? Я думаю, именно потому, что этот возникший спрос на Дюркгейма вырос не из научного поиска, не из конкретных исследований, а из потребностей образовательного процесса. А «Метод социологии» или «Разделение труда» куда больше подходят для «музеефикации» и пассивной передачи знания. Кроме того, они больше соответствуют клише, связанному с самим Дюркгеймом, выставляющему его догматичным и скрупулёзным до занудства позитивистом, без воображения и полёта мысли. Дюркгейм «Элементарных форм» совсем другой, и дело не в том, что он изменился, а в том,

что само это клише — поверхностное и неверное. Есть мнение, что «поздний Дюркгейм» радикально отличается от «раннего»; так, в том числе, считает один из наиболее близких мне социологических мыслителей — Джеффри Александер. Но в этом отношении я с ним не вполне согласен: по-моему, «Элементарные формы» — это ключ к более ранним работам, которые помогают прочесть и осмыслить их по-другому и преодолеть то, что Фрэнк Пирс называл «догматическим и лишённым воображения» прочтением Дюркгейма, указывая, что такой догматизм — главное препятствие к его продуктивному использованию в социологии.

На Западе в тот же самый период доминирует именно исследовательский интерес к Дюркгейму и активно развиваются школы и направления, для которых по-новому прочтённые «Элементарные формы» становятся ключевым теоретическим ресурсом. Примерно с середины нулевых эти тенденции накладываются на профессионализацию и интернационализацию социологии у нас: наши исследователи все чаще преодолевают пределы домашних гаваней и выходят в открытые воды международной науки. Поэтому исследователи первого и второго десятилетий нового века, как я сам, начинают обращаться к Дюркгейму именно в русле этих исследовательских программ. Так формируется новый — исследовательский интерес к Дюркгейму, вдобавок к чисто историко-социологическим разработкам, которые, конечно же, существовали и были весьма неплохо развиты и раньше (достаточно отсылки к обширному корпусу работ А. Б. Гофмана). То есть, как и многое другое в нашей научной жизни, интерес к Дюркгейму не как к памятнику социологической мысли, а как к актуальному ресурсу познания пришёл из западной социологии, а перевод его главной работы, наиболее полезной именно для современных исследователей — это логичный и очень своевременный шаг для данной стадии развития нашей социологии. Поэтому я думаю, что судьба «Элементарных форм» у нас только начинается.

Связана ли у вас какая-то личная история с чтением текста «Элементарных форм»?

Да, «Элементарные формы» сыграли решающую роль в моей научной специализации. Если для Джеффри Александера, который с середины восьмидесятых развивал тогда очень необычный и в чем-то даже радикальный (по крайней мере по меркам американской академии), а теперь уже ставшей частью мейнстрима проект культурсоциологии, «Элементарные формы» стали наиболее удобным ресурсом для построения новой исследовательской программы, то для меня наоборот культурсоциология стала проектом, наиболее подходящим для развития идей Дюркгейма, связанных с понятием сакрального. Когда я в первый раз прочитал «Элементарные формы», я был потрясён открытием Дюркгейма, связанным с ключевой ролью сакрального для социальной жизни и человеческого мышления и тем, как многое оно меняет в социологической картине мира (многие придерживаются мнения, что в социологии не бывает «открытий», но в данном случае мне ближе всего именно эта научная метафора; наряду с религиозной метафорой «откровения» это одна из главных тем моего предисловия к переводу). Этот центральный ход мысли прочно увязывает мир смысла с реальностью взаимодействий между людьми, то есть радикально, но при этом нередукционистским образом социологизирует культуру. Я понял, что для аккуратно рассуждающего социолога эта книга — «геймченджер»: то есть если вы принимаете главный аргумент «Элементарных форм» всерьёз, он не может играть второстепенную роль в ваших исследованиях и социология принимает совершенно другой вид, чем если бы эта книга не была написана. Первым делом я, конечно, углубился в историко-социологическую литературу: меня удивляло, как мало книга повлияла на социологию большей части двадцатого века. Из этого логически вытекала другая задача — найти исследовательскую программу, которая наиболее последовательным образом следует

импульсу, заданному Дюркгеймом в его теории сакрального. Такую программу я обнаружил в культурсоциологии, которой и занимаюсь с тех пор; так что именно сакральное привело меня к культуре, а не наоборот, как случилось у многих моих коллег.